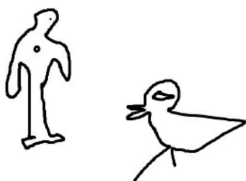

ДЕНИС ЛЫКО

МЕСТО
НАБЛЮДЕНИЯ
ЗА БОГОМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Денис Дмитриевич Лыко

Место наблюдения за богом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48774682

SelfPub; 2019

Аннотация

Эта книга – космическое путешествие по девяностым. Начиная с детства, главный герой, беспрестанно размышляет о жизни, вплоть до возраста, который называется кризисом средних лет. Женщины, алкоголь, рок-н-ролл и спальные районы предстают тут во всей красе и романтике пост-советского периода. Чем-то это напоминает прозу Довлатова – лёгкая, ироничная и в то же время трагикомедия, в которой каждый узнает свои страхи, радости, соседей-соотечественников и, конечно, себя самого. Содержит нецензурную брань.

Денис Лыко

Место наблюдения за богом

УДК 82-94

Л88

Лыко Денис. Место наблюдения за богом. – Харьков, 2019.

Художник **Лыко Денис**

© Денис Лыко, 2019

Предисловие

Говорят, что намерение «сказать о жизни все» – признак дурного тона. В первую очередь в искусстве. Наивный поступок, свидетельствующий о незрелости творца. Так пишут дебютные романы.

Когда я услышал эту фразу, сразу понял – вот он мой вариант. Ведь ничего интересней в этой жизни нет, чем бесконечно пробовать объяснить эту самую жизнь на пальцах. Причем на пальцах собственной руки. Попытка смастерить космический корабль из спичек и желудей. Из говна и палок. И улететь. Романтика на грани фиаско, как известно, вдвойне вожделенней.

Поэтому особенной художественной вычурности, красно-

речивой витиеватости тут не будет. Смысловая нагрузка сведена до минимума. И, несмотря на все это, все равно осталась уйма ненужной читателю информации. Что поделаешь. В искусстве всегда так. Сколько ни старайся, кому-то оно надо, а кому-то нет.

Данную книжку действительно можно сравнить с космическим путешествием. Как известно, в космосе мало что происходит. Так и тут. Кое-где можно различить звезды, но они слишком быстро теряются во тьме авторского высказывания. Неспособность выйти из корабля в открытый космос вполне можно соотнести с актом творческого бессилия. Собственно, а чего вы ожидали от современного писателя?

Мы скучные однообразные люди. Целыми днями пишем что-то с мыслью: «Вот сейчас я закончу эту книгу и понесется! Да я тут всех на лопатки положу. Вот это мир офигеет!» И потом из тридцати издательств, куда был отправлен роман, ни одно не ответит с предложением его издать. Мир не то что офигел – он даже не заметил.

И что вы думаете мы делаем потом? Не поверите – мы пишем дальше. Тоже не подаем никакого вида. Один роман, второй, третий. И так до бесконечности. Да, все верно. Принято думать, что писатели умирают от того, что им нечего больше написать. Но нет. Писатели живут вечно, в отличие от всех остальных. Это и повлияло на мой выбор профессии. Мне бы вообще хотелось, чтобы в будущем никого кроме писателей не было. Но, скорее всего так не будет. В будущем,

наверное, все будет совсем иначе. Или нет.

Глава первая

Это были девяностые. Первое воспоминание жизни – сижу во дворе и глажу кота. Кот чуть меньше меня, не особо разговорчив. Можно сказать, мы были на равных. Растопыренная рука неумело ерзает по шерсти. Скорее я не гладил, а легонько стучал по коту. В общем, изо всех сил пытался сделать приятное.

Во дворе ходят слухи, что этот кот жив и по сей день. Если так, то в нашей с ним жизни особо ничего не поменялось. Но я не очень то и верю. Хотя, признаюсь, надежда в сердце, что этот кот жив, теплится. Так сказать срок годности чуда истек, но есть шанс, что после его употребления живот все-таки не скрутит.

Детство у меня было так себе. Светлая полоса вытерпела недолго. На смену ей пришла темная. Причем, не могу сказать, что и по сей день она сменилась снова на светлую. Скорее, выгорела до сероватого оттенка. Может, конечно, стоит еще подождать, пока солнце жизни постарается хоть чуть-чуть отбелить ее. Правда, есть опасность, что теперь это все может вспыхнуть.

Примерно в девять лет я стал понимать: что-то идет не так. Жизнь вокруг постепенно лишалась торжественного характера. Интрига судьбы рассеивалась на фоне терпимой бедности семьи. Было ощущение, что мир проходит мимо и прикрывает газетой лицо. В принципе, это ощущение есть и

сейчас. Это научило меня оправдываться. В первую очередь перед собой и другими. Даже тогда, когда этого не просили. Говорю, у меня, видите ли, творческий поиск. Затянувшийся, хронический...

Впрочем, давайте по порядку.

Родился я в семье двух театральных режиссеров. Отец родом со Львова. Мать – харьковчанка. Сделать театральную карьеру у них так и не получилось. Развал союза перечеркнул все планы. Стартап жизни погрузился в пелену неясного будущего.

Как-то мать на свой день рождения, слегка охмелев, выдала:

– Ты, мальчик мой, был зачат на севере. От того у тебя прелестная аура.

Я немного сконфузился. Про себя попросил, чтобы какие-нибудь силы избавили мать от надобности посвящать меня во все нюансы таинства. Силы помогли. Мать переключилась на описание северных красот.

Несмотря на благоприятные условия зачатия, характер у меня был отвратительный. Я грубил старшим. Хамил друзьям. Даже воровал в школьной столовой пирожные без особого угрызения совести. И при всем этом я обладал взглядом ранимой лани.

Помню, как-то, нашёл у родителей презерватив и изрезал его ножницами. Естественно, из любопытства. Делал я это с необычайной легкостью, без малейшей опаски быть наказан-

ным. Это потому, что я знал – запросто верну все в первоначальный вид. Вера в невозможное была присуща мне ещё тогда.

Учился я неважно. Хотя, как можно плохо учиться в начальной школе, до сих пор не представляю. Тем не менее, мне это удавалось. Скорее всего, на мыслительном процессе стала негативно сказываться атмосфера того времени, с ее понуростью и сокрушенностью. Видимо, я чувствовал, что законы жизни меняются и нужны другие знания. Более практичные. Как говорится, на злобу дня.

Надо еще сказать, что ходил я не в обычную школу, а в лицей искусств. Спасибо родителям, что не отдали меня на растерзание в местную. Там бы, с моей врожденной уязвимостью, я бы долго не протянул. Хотя, кто его знает? Может местная гопота научила бы меня стойкости. Воспитала бы во мне веру в свою правоту и силу. Притупила бы органы чувствознания. Ведь от них, как выяснилось позже, лишь одни беды.

С переходом в пятый класс все ухудшилось. Восприятие окружающего мира становилось более осознанным, а оценки хуже. (Вообще, я заметил – к нормальным людям понимание важности учебы приходит непосредственно во время учебы. К таким как я – десятилетие спустя).

Конечно, все было не настолько ужасно. Просто реальность, в течение нескольких лет была подпорчена ежедневным употреблением макарон, дешевой некачественной

одеждой и всеобъемлющей неуверенностью в завтрашнем дне. Только совсем недавно я понял, что это было практически с каждым в то время.

Социальное благополучие семьи начинало движение по наклонной. Жалость к себе и родным формировалась на уровне подсознания. Внутренняя гармония левитировала над пропастью отчаяния. Детские травмы легли в основу нелегкого характера.

Беспощадный и удивительный парадокс того времени – куча работы и полнейшее отсутствие денег. Почему этот период не занесен в анналы мировой истории? Почему о сухом законе в Америке знает весь мир, а о девяностых нет?

Начался художественный бег трусцой от реальности. Причем в непонятном направлении и с отдышкой. Я стал заниматься рок-музыкой. Родители были не против. Они сами любили Наутилус, Агату Кристи в молодости. Но при этом дома постоянно слушали «русское радио». А мои продвинутые друзья увлекались шестидесятыми в Америке и Англии. Я был между двух огней. С одной стороны сопленосая, но гордая Танечка Буланова, с другой – обезоруживающе-философский Пинк Флойд.

В доме появилась гитара. Причем продал ее отцу мой крестный. Поломанную... Кстати, с этими крестными мне не повезло, собственно как со всеми остальными атрибутами нормальной жизни. Некую мифическую Машу я никогда не видел – говорят, уехала в Америку на ПМЖ. Но, я ей это

почти простил. Крестного видел – пару раз на улице...

В какой-то момент родители решили взять бедность измором. А точнее предпринимательской жилкой. А если еще точнее – они пошли торговать на базар. Благодаря родителям я теперь знаю, что «базар» и «бизнес» это несопоставимые вещи. В то время, у нас в городе появился даже самый большой рынок в восточной Европе для людей с высшим образованием. «Барабашово», названный в честь великого академика, стал символом эпохи. Среди продавцов были учителя, профессора, инженеры. Оно и понятно, с таким-то символическим названием.

Харьков – это такой себе не вконец испортившийся человек, со своими прелестями и пороками. Барыга, который, например, занят в кружке художественной самодеятельности. Руки его по локоть в спекуляции, а душа тянется к прекрасному. Девяностые – родные сестры этого города. А базарный бизнес – батя. Это город временных трудностей, затянувшихся на всю жизнь.

Вообще, Харькову всегда была свойственна гигантомания. У нас самая большая городская площадь (на самом деле не самая и харьковчане знают об этом, но продолжают упорно говорить, что, все-таки, самая большая). Самое большое количество институтов. То, что в Харькове впервые в мире расщепили атом, у нас знают даже харьковские дети. По большому счету, Харьков мог бы быть столицей мира. Но, однажды, что-то пошло не так. И так и по сей день.

И как вы думаете, где я вырос? Я вырос в самом большом в мире спальном районе, который нельзя обойти и за несколько дней. Даже спортивной ходьбой. Шагами мерить пространство тут бессмысленно. Минимум – футбольными полями.

Мой район, моя любовь – карнавал вечного сияния отголосков разума. Хрущевское Рио-де-Жанейро. Постапокалиптическое будущее здешним жителям не грозит. Конец света, кажется, они уже пережили. Теперь им остается лишь отдыхать. Пятьдесят лет безупречной медитации. Колыбель смирения и невозмутимости. Однако, к моему району вернемся чуть позже.

Что касается моего воспитания, то его практически не было. Приходилось с завязанными глазами, широко расставив руки, пробираться на ощупь. Это было похоже на прогулку по озеру с плохо замерзшими прорубями. Не редко кромки луж предательски трещали. И ты оказывался в воде. Заканчивалось все необходимостью оградить себя воображаемым миром иллюзий. Сейчас это называется эскапизм и большинство взрослых туда тоже сбегает. В моем же детстве бежать было просто некуда.

Это было время какого-то беспощадного вакуума, вытравливающей беспредметности. Вроде бы ничего ужасного, но смотреть в будущее было невозможно. В настоящее – стыдно.

Шероховатый асфальт молчал. Только голуби ворковали.

Этих тварей будто тоже что-то не устраивало. Раздражение к окружающей действительности притаилось на дне зоба. У меня – во всем теле.

Тяжесть бытия и пакет вермишели быстрого приготовления имели примерно одну и ту же весовую категорию. Вроде бы легко, но невыносимо мерзко. Эта дрянь со специями давала незатейливую подачку обступившей реальности. Поешь и отстань.

Как это ни странно, но самое ужасное, что было для меня в детстве – это две шапки. Сначала одна – шерстяная, цвета мокрого голубя, сдувшийся воздушный шар. Потом другая – не помню какого цвета. Запомнил только первую, так как она больше всего кусала уши и лоб. С тех пор у меня несовместимость – себя, шерсти и окружающего мира.

В лицее меня отдали в класс струнно-щипковых. Выбрал гитару. И это после года обучения в классе фортепиано, экзамен которого я с треском провалил. Все потому, что пианино у нас дома не было. Я учил пьесы на маленьком игрушечном рояле размером с книгу. Уже тогда я понял, что своим абсурдом мир не соответствовал внутренней адекватности.

Учительница по гитаре была молоденькой аспиранткой. Милой, но строгой. После очередного раза, когда я не смог сыграть гамму, она встала и закрыла кабинет на ключ. Потом подошла ко мне, сняла пояс с кожаных брюк и сказала:

– Даю тебе последний шанс. Если не сыграешь, я тебя от-

хлестаю...

Гамму, к сожалению, я сыграл с первого раза.

Школа была, конечно же, адом. Наверное, для всех думающих детей это всегда так. Я же еще каким-то образом затесался в ряды инакомыслящих, инакочувствующих, инакоделающих... Короче – иных. Гнобление одноклассников сделало группу nirvanу отдушиной. Ненависть – питательным веществом. Злость – поводом задуматься о собственной неповторимости.

Кулинарные способности в то время формировались за доли секунд. Теперь могу из ничего сделать полноценный ужин. Из говна топор, из топора кашу, из каши хумус. Подспудно боготворилась фасоль, как кулинарный аутизм и одновременно спасение. Немного зелени и блюдо уже с ресторанным оттенком.

Наступал двухтысячный. Телевизор не работал. Денег на ремонт не было. Починил сосед только перед самым новым годом. За «спасибо». О наступающем апокалипсисе узнал прямо перед поздравлением Кучмы. После набросился на оливье, так как целый год в глаза его не видел.

Медийная убогость заполняла пространство частотами умственной деградации. Люди смотрели «Окна» и забывали о бедности. Страна сходила с ума в стороне от всего остального мира. Он вынырнул перед людьми во всей красе. Но люди не смогли вобрать ее в себя. И сотворили альтернативную реальность. Журнал «СПИД инфо» тому подтверждение.

Как ни странно, но я люблю это время. Его тягучая тоска откладывала каждый раз вынесение приговора на день завтрашний. Снова и снова. Такое впечатление, что все ушли, а про нас совершенно забыли. Дороги лопались, подвальные кошки облазили, а люди переставали стесняться животных инстинктов. Начиналась новая веха в эволюции отечественного индивида.

Сериалы были чем-то вроде анестезии. Обезболивающие крохи с барского предплечья. Как сейчас помню – вокруг кресла с телевизором разваленная страна. И картошка в углу жарится.

Одним из любимых, ожидаемых с особым трепетом, был сериал под названием «Авантюрист». Каждый раз приходилось срываться после уроков, бежать домой и молиться на то, чтобы телевизор в очередной раз не загорелся, чтоб не погасло изображение, чтоб хоть какая-то отрада, хоть какой-то бальзам.

Главный герой – гений (уже хорошее, беспрюирышное начало). Целую жизнь его воспитывали в секретной организации. А потом он из нее сбежал. И талант его заключался в том, что любой профессией он мог овладеть в считанные часы. Так гений и работал – то пожарником, то врачом, то адвокатом, то вообще не пойми кем. Как оказалось позже, перевод названия был неправильный. На самом деле сериал назывался «Притворщик».

Люди девяностых тоже были притворщиками. Цепляли на

себя всевозможные маски – экстремизм социальной находчивости. Библиотекари становились парикмахерами, инженеры водителями трамваев. Одна большая кагала, сбежавшая из воспитательного дома и направляющаяся непонятно куда и по сей день.

Петля времени затягивалась все туже. Вместо табурета – кравчучка. Вместо мыла – маргарин. Вместо света в конце тоннеля – оплывшие свечи в период веерных отключений света.

Лета я ждал с нетерпением – отправляли к бабушке. Деревня, странным образом, нивелировала все мои комплексы. Я научился открывать рот и разговаривать. Стал раскованным. Начал встречаться с девочками. Причем от жадности с несколькими одновременно. И это в двенадцать-то лет. Вообще, если вы замечали, летом жить как-то легче.

А вот за летом следуют восемь месяцев борьбы с ветром в лицо, с одноклассниками, с промокшими ногами. Почему в наших широтах отводится так мало времени поистине хорошей поре?

Как-то возвращаюсь домой со школы. В подъезде курит сосед. Помню, было холодно. За окном шел дождь со снегом. Порывы ветра дергали оконную раму.

– Какая страна, блять, такая и погода, – сосед сплюнул на лестничную клетку и зло посмотрел на меня. – Как там в школе, пионер?

– Хорошо, – соврал я.

– Это хорошо, когда хорошо, – сосед втянул носом что-то из глубины себя и отправил получившееся на ступеньки. Время выходило из людей вместе с дурными привычками. Очень часто люди принимались рассматривать получившееся пятно. Видимо, пытались рассмотреть черты ментальной идентичности.

И как-то тянулось оно все так – то устаканится, то снова во все тяжкие. Безденежье детонировало семейные ссоры. Домашний уют катился под откос. Кто-то слил тормозную жидкость компромиссов и вот снова мы летим в кювет скандалов и извращенной ругни. Ждать спасительный буксир не имело смысла.

Хожу в школу без энтузиазма, даже с отвращением. Выбор будущей профессии кажется заоблачной перспективой. Мечтаю, что никуда даже не успею поступить. Волна рок-н-ролла снесет меня и потащит к вулкану стадионной сцены. И вот я с гитарой, у микрофона, на краю самого кратера, извергаю лавину. Подступы забиты головами фанатов. Но реальное положение дел оказалось более фантастическим. В первую очередь, конечно, в силу своей прозаичности.

Семейный совет решил, что поступать необходимо на журналиста. Тем более у отца на кафедре работал друг. В качестве альтернативного варианта рассматривался режиссер. Придя в приемную комиссию института культуры, мне вручили бланк для оплаты семестра и сказали:

– Бухгалтерия тут, за углом.

Кручу бланк в руке, спрашиваю:

– А как же вступительные экзамены?

Девушка в ответ улыбается нахваленной кошкой.

– Да вы не волнуйтесь, сдадите.

На этом театральная династия нашей семьи кончилась.

Чтобы окончить школу мне наняли репетитора. Чтобы поступить в университет – еще одного. Университетский преподаватель по фамилии Сподарвец намекнул отцу, что есть возможность поступить на бюджет за определенную сумму и что он может обо всем договориться. Цена вопроса – две тысячи долларов. Отец задумался, а потом спросил:

– То есть, поступить на контракт выйдет дешевле?

Мыслительный процесс скривил лицо преподавателя.

– В принципе да, но стипендия...

Последний звонок я проспал. Виновато говорю об этом матери. Ее реакция была достойна уважения:

– На улице жара невыносимая. Не хватало тебе еще теплового удара...

Вечная загадка это детство. Непонятное очарование. И в тоже время нелепость за нелепостью. За многие вещи настолько стыдно, что хочется туда, обратно – исправить все, вернуть на место.

И вроде ребенок как ребенок – собирал наклейки. Во дворе – мякоть песка зажатая в кулаке. Игры – все равно с кем и во что. Колени вперемешку с асфальтом и велосипедной цепью. Драки непонятно во имя чего. Орлы и решки кеп-

сов. Умершие тетрисы, воскресшие тамагочи. С игрушками из киндер-сюрпризов я вообще говорил на равных. И на всем этом фоне, вроде бы не очень избалованного детства, я ни разу не испытал чувства одиночества. А теперь оно повсеместно. Будто отбился от стаи поколения. У сверстников уже семьи. Но выглядят они как-то не очень счастливыми.

Пытаюсь понять, что же я выбрал? На что променял житейское благополучие? Зачем откололся от крестного похода за материальным довольством? Ради искусства? Говорю это, и самого пробивает на смех.

А теперь полуфинал жизни, в котором действительность бежит быстрее, как бы ты ни старался. И ведь знаешь о бессмысленности задолго до стартового выстрела. И все равно участвуешь в забеге. Нет чтобы сойти с дистанции. Устроиться тренером в районную сборную. Насладиться вялотекущим моментом обывательства. Пробудить искорку мещанской домовитости.

Когда ты ребенок, то будущее кажется каким-то фантастическим фильмом. От него веет духом космической саги. Кажется, что там бескрайние просторы и у жизни на тебя необъятные планы. Что вот-вот начнется институт и ты полетишь в свое межзвездное путешествие.

Ох, если бы я знал, что будущее наступает так. А именно – никак. Ждешь деформаций душевных, материальных, физических. Ждешь, что воздух в одно мгновение заискрится, солнце обласкает кожу, оркестр начнет играть пронизываю-

шую мелодию гимна победителей, и вот стоишь ты – не человек, а истина. Не гражданин с каким-то бумажным паспортом и скучным лицом, а сын земли, с благословения неба оказавшийся тут.

Но когда стоишь в очереди в магазине, вспоминаешь детство. Кажется, что категория счастья сдана в утиль жизни. Красота ускользает не успев появиться. Среда для обитания чувств и страстей из моря превращается в лужу у крыльца. Фабула грядущего предугадывается даже в сонном состоянии. Конвейер договоренностей с неизбежным уродством мира работает в режиме нон-стоп.

А на утро каникулы. Выходишь во двор и тянется хвостом сырость подъезда. Солнце только разогревается. Птицы еще охрипшие после сна. И тут вспоминаешь о том, что сэконобил на проезде вчера. А это два молочных коктейля делающих день интересней. И вот уже звенит дурацкое блюдечко на прилавке, начинает шуметь автомат, пузырится молоко и жизнь вмиг завоевывает твое внимание.

Была бы у меня ни одна душа, а около двух сотен – я бы каждую ее продал дьяволу за то, чтобы каникулы начинались в любой из тех дней, в который приходилось натягивать шапку, штаны, поверх другие штаны и переться через весь город в эту проклятую школу. Да я бы и одну душу отдал. Безвозмездно. И не жалел бы. Ведь как можно жалеть вообще о чем-то, если не идешь в школу?

Вслед за детством начинается взрослая жизнь. Правда, не

сразу. Потихоньку. Когда ловишь себя на мысли, что идешь с работы домой. И никаких каникул уже не будет.

Коралловые рифы ржавых мусорных баков, консервные банки-гаражи – реквизиты любого времени в здешних широтах. Идешь мимо всего этого и чувствуешь терпение. Много терпения. Потом оно станет частью характера. Кто-то из воды, а я на восемьдесят процентов буду состоять из терпения. Между желанием удавиться и силой воли, то самое «терпимо» на вопрос «как дела?».

Обычная жизнь. Течет и не меняется. Между распускающимися кленами и дуроломной властью, полигон сизифовых скитаний – с работы и снова домой. Между мной и всем остальным – поле безбрежных надежд. Такой же камень, что нужно втащить на самый верх, но, который даже не можешь схватить от того, что руки проходят насквозь.

Несовершеннолетие кончилось работой на стройке. Скопил денег на компьютер. Компьютер без интернета. Кому он теперь нужен такой? Тем не менее, радости не было предела.

Дымка будущего сгущалась за мутным стеклом маршрутки. Начинался легкий флирт с жизнью после затяжных отношений с самим собой. Окна отражали лучи так, будто знали про меня все наперед. А зеленый ящик на колесах, подпрыгивая, вез к метро. Там, в центре, в доме культуры милиции, вручали аттестаты зрелости (кому вообще в голову пришло так назвать этот кусок пластика?)

Уродские платья, тошнотворные речи, учительские лю-

бимчики и любимицы, короче – тоска. Рассвет я встретил в кровати дома... На ресторане с семьей мы решили сэкономить.

Глава вторая

Университет мне понравился сразу. Во-первых, девушки. Их тут было немереное количество. А главное, лица – намного проще и красивее, чем лица одноклассниц. Во-вторых, здесь никто не знал о моей предрасположенности к неудачам. Можно было приступить к созданию нового образа. Отсутствие активной жизненной позиции я заменил абстрактно-философскими высказываниями. Застенчивую натуру и учебную неуспеваемость – дискурсом природы вещей. Недостатки во внешнем виде – ореолом творческого начала.

Ко всему прочему я занимался музыкой. Ничего толкового я, конечно, не играл, но гитара за плечами интриговала студенток, а мне придавала уверенности. Каким же дураком нужно было быть, чтобы не играть им Мумий-Тролля и Земфиру тогда, а говорить о том, что я приверженец авангарда.

– Ну, сыграй хоть кусочек чего-нибудь, – просили они. И я играл какую-то белибердяйскую отсебятину. Говорил, это экспериментальный джаз... И все равно очаровывал.

Преподаватели, как и везде, оставляли желать лучшего. На первой сессии меня чуть не отчислили. Причем из-за архиепископа, который преподавал литературу. «Исык», как мы его называли, был человеком высокомерным и безэмоциональным. Мне он напоминал закомплексованного Дарта

Вейдера, прогуливающегося по коридору факультета. Выразителем злого начала служили маленькие пакостливые глазенки. Когда я в очередной раз не сдал зачет, он пообещал, что меня отчислят. Окончательную передачу назначил в своем храме. Мать была рассержена. И не столько моей безответственностью перед учебным процессом, сколько тем, что Архиепископ рассматривал деяния святых апостолов Слобожанщины за первые истоки литературы. Поехали мы тогда вместе. Несколько часов искали его храм. Помню, под солнцепеком моя интеллигентная мать выкрикнула в пустоту:

– Да пошел он в жопу...

Зачет я в итоге сдал декану. Тот резюмировал мое отношение к предмету, как завышенную самооценку при полном отсутствии фактажа. Я молча согласился.

Учился я на кафедре журналистики. Вообще, в нулевые никакой журналистики не было. То есть радио, газеты, журналы были, а журналистики не было. Преподаватели выкрутились. Вспомнили понятие «пражурналистика». Это всякие глиняные дощечки и рисунки внутри пещер. Иногда возникало ощущение, что учишься не на филологическом, а минимум на геологическом факультете. На кафедре царил дух палеолита.

Вообще, наша кафедра была уникальной. Некоторым преподавателям совесть позволяла составлять учебную программу сплошь состоящую из собственных книг, брошюр,

даже из методичек. Около тысячи научных трудов, десятки книг о теории журналистики и ни одной статьи в самой паршивой газете. Это все равно, что сдавать на права человеку, который ни разу не сидел за рулем. Не удивительно, что журналистами после выпуска стали три человека из пятидесяти.

С необразованностью студентов никто не боролся. С бедностью в стране тоже. Боролись с русизмами. В принципе, за все это время ничего не изменилось.

Но были и другие. Людмила Ростиславовна – руководитель диплома. Человек, которому я обязан если не всем, то хотя бы тем, что, наконец, смог задать себе вопрос: зачем мне это все нужно?

Лет через семь после того, как я окончил универ, она пришла даже на мой концерт. С подружкой... Помню, я пел и чувствовал дискомфорт. Человек, который научил меня таким словам как «модус бытийности», «биполярный философизм», смотрел на другого, который кривлялся на сцене с гитарой и пел песни про самогон из улиток. После концерта она подошла ко мне, обняла и сказала, что в восторге. В тот момент я готов был провалиться под землю. А через полтора года она умерла. От рака. О том, что болеет, она никому не сказала. Просто ушла, чтоб никого не напрягать.

А один из преподавателей на защите поставил за диплом двойку. Как уже можно догадаться – за отсутствие в списке литературы собственных книг. И опять же, совесть позволила ему сказать об этом вслух.

Вообще, коррумпированность факультета носила масштабный и вместе с тем абсурдный характер. В очередной раз были проблемы с украинским. Зашуганный препода склонился у меня над ухом.

– Молодой человек, – меня всегда настораживало когда люди так обращались. В самой интонации чувствовалась надвигающаяся угроза. Будто начинался фильма ужасов, – без взятки тут никак.

– У меня нет денег.

– Можно по-другому.

Я поднял на него глаза. Препода снова опустил к уху и озвучил условия положительной оценки. Из университета я вышел в полнейшей растерянности. Прихожу на следующей день, вижу его, вынимаю пакет из рюкзака и отдаю взамен на зачетку. Молодой взяточник украдкой смотрит внутрь, довольно улыбается и кладет пакет в сумку. В пакете было пять дисков русского шансона. Самое приличное, по-моему, что там было это «Ленинград». В тот момент я понял, что чувство абсурда может быть сильнее печали.

И при всем этом я был влюблен в универ. Просторные коридоры бывшего дома проектов обладали принудительной гармонией. Высокие потолки, и разливающийся по ним сливочный свет были похожи на стены буддийских храмов. Мой первый опыт любви к симфониям пустоты. Симметрия благоговейных пространств. Терапия безлюдности и тишины. Я мог часами бродить тут после пар. Засиживаться допоздна

в столовой. Околачиваться в библиотеке. Курить на заднем дворе.

Был у нас в группе китаец. Звали Ли. Ли послали родители учиться на экономический факультет. Не зная языка, он все перепутал и проучился два года по ошибке на журналистике. Иногда мне кажется, что со мной произошло примерно такое же, только в более крупных масштабах жизни.

Филфак на какое-то время стал вторым домом, укрытием. В родном же доме царила атмосфера предразводного раздора. Отец с матерью упражнялись во взаимных оскорблениях и унижениях. Диалог ненависти семейно-бытового характера. Приходилось допоздна засиживаться в библиотеке. А иногда просто на этаже факультета читать скучную книжку. Когда чтиво совсем надоедало, я наблюдал за работниками деканата.

Выражение лица декана было такое, будто он съел дохлую жабу и ничуть об этом не пожалел. Наоборот, хвастливо прикусывал дужку от очков и становился в позу зазнавшегося репера. Его заместитель обладала настолько суровой наружностью, что завидев ее в коридоре, я разворачивался и шел в другую сторону. Надменность руководителей факультета не знала границ. Они вели себя так, будто перевернули ход истории, изобрели букварь...

На втором курсе у меня был приятель кришнаит. Витя учился на философском факультете и проповедовал учение

Кришны. Точкой нашего пересечения было кафе «Отрыжка» на четвертом этаже университета. Витя заказывал чай, брался худыми пальцами за ниточку, медитативно опускал и вынимал чайный пакетик в кипяток и читал мантру. Пластмассовый стаканчик потрескивал, чай обретал цвет юной кожи воина Арджуны. Так я выучил слова мантры и стал щеголять перед одноклассницами своими познаниями в индуизме. Одноклассницы фыркали и хотели тупых шуток и мартини.

Бывало, Витя меня подкармливал сладостями. Сладости у кришнаитов надо признать были что надо и не уступали продукции Рошен. А бывало, Витя меня поил. Доставал литровую бутылку, наливал в крышечку непонятной белой жидкости и протягивал со словами «за кришну». Моя святая уверенность в том, что это были те самые наркотики расширяющие сознание, брала верх и я опрокидывал крышечку. Проходило двадцать минут, сознание оставалось того же размера, а изжога от съеденного пирожка с картошкой усиливалась.

Я завидовал Витиной уверенности. Он действительно верил, что все кругом состоит из Кришны. Я знал, что из лжи и лицемерия. Витя дарил мне бусы, книги, календарики с изображением Вишну и объяснял, что это не бусы а четки. А потом он аккуратно брал мою руку, сгибал пальцы и учил как правильно их надо перебирать.

Это был две тысячи седьмой. Я шел по парку Шевченко,

видел танцующих и поющих кришнаитов, приветливо махал им и кричал «Харе Кришна». Прошло одиннадцать лет. Я до сих пор хожу по этому парку, вижу этих беспечных и радостных ребят и понимаю, что ничего не изменилось. Единственное, что изменилось, так это то, что я им теперь не машу. Стараюсь всячески остаться незамеченным. Комплексы взрослой жизни сузили сознание и обратили меня в бегство. В бегство от беспечности, от самого себя. В конце концов, в бегство на работу.

За четыре года учебы я ни с кем так и не начал встречаться из университета. Как-то обидно даже. Спустя десять лет думаю еще раз поступить на какую-нибудь специальность. Видимо, подсознательно пытаюсь наверстать упущенное. Заодно, наконец, выучусь на нормальную профессию.

Первые два курса я учился плохо. В основном пропадал в университетском кафе. Ел булочки, пил кофе. Пытался произвести впечатление на студенток грузным молчаливым взглядом. Студенток интересовали книги. Сейчас все кардинально поменялось. Я заинтересовался книгами, а студентки непонятных вузов мной. Как и прежде молодые девушки не особо интересуются искусством, зато людьми искусства порой чересчур.

Вообще, молодежь в начале нулевых мало чем интересовалась. Все-таки был рубеж тысячелетий. Появился первый интернет. Плохой, но какой есть. Ютуба не было, была Википедия. Форумы, чаты, аська... Университетская библиоте-

ка давала каждому студенту один час в день порыться в интернете. Мне этого было много. Фантазии не было. В основном я искал в интернете работу, потому что денег как всегда не хватало. Параллельно еще искал работу отцу. Ничего не найдя, переключался на поиск издательства, которое могло издать пару моих рассказов. Остальное время просиживал играя в косынку.

Как-то один знакомый сказал:

– Литература умерла. Чего ты возишься?

Причём дело было на филфаке, что нисколько не удивляет. С одной стороны он прав. А с другой, – я все таки попытаюсь ещё. Попытаюсь писать в обход визуальных вещей, захлестнувших мир. Попытаюсь, чтобы неуловимую мысль не смогла передать фотография и современное искусство. Чтобы кино она была не под силу. Литература, в конце концов, это одичалое философствование. Единственное, что будет всегда выше литературы и прочих искусств – музыка. Ей не требуются очевидные средства. Ей вообще мало что нужно, кроме глубокой, неистощимой души.

Понадобилось десять лет, чтобы понять, что это не призвание. Скорее необходимость. Газовый баллон с воздухом, без которого задохнешься, уйдешь на дно бессмысленной повседневности. Способ оправдать весь возможный потенциал жизни.

Как то сижу на лавочке. Напротив меня две женщины. Выпивают. Подслушиваю разговор. Оказывается – филологи.

Две высушенные временем, перекрученные бечевки. Сколько вас несчастных? Бездетных и незамужних? Некрасивых и начитанных?

Одна прячет шкалик водки в сумочку и говорит:

– Лена, я ведь действительно знаю, почему Булгаков назвал роман «Мастер и Маргарита». У него были договорённости со Сталиным. Нужно было популяризовать профессию мастера станка, вдохновить пролетариат образом модной специальности...

Очень часто я испытываю дискомфорт к людям не авторитетных профессий. Например, не могу стоять рядом с дворником, курить и пить кофе. В такие моменты кажется, что я выразитель несправедливости. Человек работает, а я прохлаждаюсь. Если у бомжа пять рублей, а у меня десять, (хотя очень часто было как раз наоборот) мне неловко. Появляется ощущение, что я не достоин этих денег. Чувство должной солидарности по отношению к несчастным у меня на первом месте. Считаю, мы должны держаться вместе. Хоть нас и бесконечно много.

Если честно, то филфак и литература в моем случае были связаны не тесно. Скорее всего, это просто надежды. Вот-вот... Вот уже сейчас... Еще чуть-чуть и выйдет книга. Кто-то издаст. Кто-то поверит. Но верили в основном в деньги. Как и сейчас. Как, впрочем, и всегда. А обижаться на безденежье, это все равно, что обижаться на собственную лень.

Университет я все-таки закончил. Правда, спустя два года вернулся туда снова. Чтобы забрать диплом... Выпускной по традиции проспал. Тем более, за два дня до праздника, нам сказали, что мантий на всех не хватает. Выдадут их только тем, у кого не было троек за последний год. Помню, я не особо расстроился.

Глава третья

По окончании универа я не знал куда податься. Целыми днями валялся на диване, слушал психоделический рок, писал книги и занимал деньги у родителей. Короче, вел богемный образ жизни. Как-то в один из таких дней раздался телефонный звонок. Стягиваю одеяло с лица.

– Ты что, спишь до сих пор? Час дня... – отец был в недоумении.

– Ни в коем случае.

– Я нашел тебе работу.

– У меня сейчас нет времени...

– Денис...

На том конце провода послышалось сопение.

– Ладно.

На собеседование я добирался два часа. Контора находилась за аэропортом. За железными воротами были два гаража. На одном из них висела табличка:

«Завод резиновых изделий ФАЛЕС»

С чувством юмора, думаю, здесь все нормально.

Встречать меня вышел сам директор завода. Было видно,

что мои длинные волосы и рваные джинсы его немного смущают.

– Пойдем, вкратце расскажу суть...

Мы зашли в цех. Парочка лысых и чумазых парней устало посмотрели на меня. Пахло паленой резиной – запах детства. Вспомнил как с пацанами кидали автопокрышки в ноябрьские костры.

– Значит, смотри... Вот это двухтонный пресс. Когда он поднимается на несколько минут, нужно успеть выложить формы. Используем мы старые велосипедные камеры. Выкладываешь, пресс опускается, потом поднимается и собираешь их как горячие пирожки. И все заново. Вроде ничего сложного... Платим двести.

Я постарался сделать заинтересованный взгляд и задать ради приличия пару уточняющих вопросов.

– То есть... Это резина?

– Да.

– А что, если не успеть выложить?..

Директор завода дал знак, что, мол, выйдем на улицу, плохо слышно. Выходим. И тут он с какой-то отцовской добротой, с глазами, переполненными непонятно откуда взявшегося добросердечия, говорит мне:

– Слушай, а ты же вроде из искусства?

– Ну, не прям чтоб из...

– Отец говорил, что пишешь что-то. Поэму?

– Типа того...

– Пойми правильно, я не то чтоб против... Просто интересно, на кой хуй тебе сдалась эта работа? Я ни в коем случае...

И тут я понял в чем дело. Директору завода «Фалес» все не были противны мои длинные волосы, мой внешний неряшливый вид. Возможно, он даже всему этому симпатизировал. Может, даже завидовал в силу романтики, которая обошла его стороной. А еще, он буквально спас меня. Бросил спасительный круг в виде прозрения, открывшихся глаз. Ну какой из меня изготовитель резиновых изделий? Я шнурки завязываю так, что потом несколько дней развязать не могу. Я как-то даже нечаянно сломал светофор... Теперь есть опасность, что «Фалес» лишится двухтонного пресса.

Я пожал директору руку. Сказал «спасибо» и ушел. Потом ехал в маршрутке домой и понимал, что благодаря ему, я ощущаю себя сейчас счастливым. Потому, что жертвуя любимым делом, можно навсегда потерять себя. А после этого терять еще что-то уже особо нечего.

ТЮЗ

– Да сворачивай его нахуй соси.

– Что, прости?

– Нахуй соси, говорю. Дай я сам...

Кузмич ногой замотал ковер и пнул в сторону кулис.

– «Нахуй соси» это как попало, небрежно... Еще научишься...

Когда нежелание работать сталкивается с потребностью

денег, идешь работать в театр юного зрителя. Монтировщиком. Думаю, каждый уважающий себя филолог обязан пройти через это. Чисто из интереса. Или «на слабо». Именно туда меня и забросила жизнь на восемнадцатилетие.

Поначалу я стеснялся. Вроде театр для детей, но общались здесь все исключительно матом. Кроме художника-постановщика, похожего на щегловатого провинциала. Он воспринимал мир и театр через этику визуального. А может просто детей любил.

Курили прямо в кабинете, прикрепленным за цехом. Это скорее было похоже на общественный туалет с элементами мещанского убранства. Широкий стол с клеенчатой скатертью, пробитый диван, вешалка с робой, половик для обуви, висевший на стене и служивший видимо ковром – эстетическое пятно пролетариата.

В самом театре было все сплошь советское. Чтобы понять какой год на дворе, нужно было выйти на улицу. Актеры умудрились пронести отчаяние из той эпохи в эту, не расплескав и передать его следующему поколению.

Альтернативный мир тоски – этой дымкой всегда затянуты подобные учреждения. Время забрало отсюда все, кроме затхлого воздуха. Скромные помпеи, погребенные под слоем художественной самодеятельности.

Наша команда монтировщиков состояла из пяти человек. Пять сексуально-озабоченных пенсионеров, маньяков в буденовках. Почему я их так назвал расскажу чуть позже. Мы

выставляли декорации к спектаклю, меняли их во время и разбирали после. Три часа работы и свободен целый день.

Как всегда не сложная работа, кратковременный физический труд, были самым легким способом заработать на вынужденные расходы моего домашнего существования: сигареты, струны для гитары. Среди расходов появилась еще одна немалая статья, постоянно вызывающая у меня возмущение: проезд. На него приходилось тратить много.

Боря был самым старшим, начальником цеха. «Сто тридцать килограмм чистого веса» как говорил сам о себе Боря. И он не врал. Начальник действительно был огромен. При этом проблем с лишним весом у него не было. Проблемы были у других, когда Боря напивался. Его никто не мог донести до машины. Даже оторвать от пола было невозможно. А пил Боря много. Про первый двухсотграммовый стакан, налитый до краев, он говорил:

– Главное, проглотить это, а там уже как по маслу...

Трехлитровой банки самогона Боре иногда не хватало. Похмелье его напоминало страдания Иисуса. Превозмогая себя, Боря один брал на спину замок Дюймовочки и шагал по сцене.

Кузмич – бывший надзиратель на зоне. Добрый, но вспыльчивый. Несмотря на то, что Кузмич в прошлом работал в тюрьме, он воровал. Воровал все и везде. В супермаркетах, на базарах, в метро... Как-то он пришел на работу, держа в руке коровье вымя. Ваня посмотрел на него и крик-

нул:

– Ты его, блять, доить шо ли будешь?

Был также Коля-пиздец. Так его называли потому, что Коля обладал совершенно бессистемным складом ума. Тем не менее, он был самым отзывчивым и добродушным. Просто в его руках все горело. Под ногами проваливалось. Тридцать восемь раз Коля падал со сцены в оркестровую яму. И все без единой царапины. Хронического неудачника берегли ангелы-хранители. Халатно, зато на века.

Ваня – старейшина цеха. Ване было за семьдесят и он был глуховат. Когда Ване говорил что-то режиссер, тот обращался за помощью к Коле:

– Шо он пизданул?

Коля нервно пожимал плечами:

– Та хуй его пойми...

– Ну и до сраки.

Несмотря на свой возраст у Вани было три любовницы. И ему было мало. Более того, Ваня волновался и за мою личную жизнь:

– Ну шо, появилась у тебя баба?

– Пока нет.

– Тю, ёб твою мать! Та бери и еби любую, – и Ваня махал рукой в сторону выстроившихся на поклон актрис.

В разговорах моих коллег по цеху тема любви занимала первое место. В их устах она принимала форму классического, народного коитуса. «Ёбля», «шпили-вили» то и дело до-

носились эхом из-за кулис. Я не мог поверить, что в таком преклонном возрасте люди могут продолжать думать о сексе. А главное – заниматься им. Однажды Ваня рассказал, как в гости пришел внук и показал ему порнуху. После этого я откасался верить в происходящее вокруг. А историю о том, как Кузмич придумал прятать водку от жены в кучи собственных фекалий я отчаянно хочу забыть и по сей день. Но, видимо не судьба.

Проработал я в театре меньше года. Не выдержал давления жизненности и ушел. Решил, что, наконец, пришло мое время – нужно работать по специальности.

В девятнадцать я устроился работать в газету «Арт-мозаика». Четыреста гривен для студента лишними не бывают.

Газета была полным говном. Впрочем, как и сейчас. Классика умственной деградации, которой неподвластно ни время, ни прогресс, в принципе, неподвластно ничто.

На планерках главный редактор, будучи человеком закомплексованным, неистово тер свои черные усы, подскакивал со стула и кричал:

– Нам нужен секс. Нам нужно больше секса в материалах. Наша целевая аудитория домохозяйки за сорок. Что нужно таким женщинам? Им нужен секс, романтика, табуированные темы, которые они не могут себе позволить в повседневной жизни. Нам нужно поднимать продажи.

Присутствующие молча кивали.

– У кого какие варианты?

– Давайте сделаем раздел «Эрос», где будем просвещать нашу аудиторию в интимных вопросах.

– Неплохо. Подробнее.

– Мы сможем рассказывать о том, что такое фаллоимитаторы, анальные шарики, влагалищные бабочки...

– Прекрасно. Кстати, что у тебя с разделом «Детишник»?

– Придумала нового героя.

– А со старым что?

– Он умер.

– Как умер?

– Ну до этого был герой мальчик, а вы сказали что нужна девочка. Поэтому Кроху пришлось умертвить. Теперь у нас Крошка.

– Ладно... Красивая хоть?

– В купальнике, как вы и просили.

– Неплохо. Идем дальше. Рубрика «Самописка» что пишут читатели?

– В основном о том, как правильно делать минет парню.

– Так, отлично. Вырисовывается стиль, концепция еженедельника.

Тут со второго ряда поднимается тучная дама заведующая рекламой.

– Господин редактор, я бы хотела выразить свое крайнее недовольство. Вам нужно принять меры...

– Так, слушаю.

– Дело в том, что мне просто противно читать раздел «му-

зыка».

Я встрепенулся, потому что как раз отвечал за этот раздел.

– Например, в прошлом номере «теленедели» были «звездные секс-скандалы». Седокова, Каменских, Пугачева... Все сплошь родные лица. А у нас статья про группу «Арктические обезьяны». Лично мне, – тут она кидает на меня свой сучий взгляд, – это не нужно.

– Денис, слышишь? Это тебя касается.

– Да, – про себя думаю: «Ну зачем так? Можно же по-человечески...».

– Пусть молодой человек расскажет про Киркорова, про Баскова. Что у них там новенького. В конце концов, у Заворотнюк новый любовник певец...

– Денис, пообещай Ларисе, что в следующем номере будет что-то, что ей будет интересно почитать.

– Конечно.

В следующем номере вышла статья про Джека Уайта. Лариса перестала со мной здороваться. А еще через пару номеров я уволился. Решил сделать паузу в отечественной журналистике, пока та не придет в себя и пошел работать на радио с мыслью, что воспитывать вкус, все-таки, бесполезная, но весьма увлекательная штука.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.